

Священник Василий КУЦЕНКО,
преподаватель СПДС

БОГОСЛОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЕ

Русь и христианство

Для современного человека во многом трудно полностью осмыслить понятие «Святая Русь», ставшее классическим по отношению к Древней Руси. Святость связана в первую очередь с принятием христианства, которое влечет за собой изменение не только религиозного статуса Руси, но и всех основ жизни русского народа. Россия в X веке Промыслом Божиим оказалась вовлеченной в сферу влияния Восточной Римской империи с ее универсальными идеями государственности и религии. Россия принимает византийское христианство — Православие, которое традиционно имело и другое название, а именно «греческая вера». Как пишет С.С. Хоружий, «религия служила стержнем, основой всего национального бытия, "Русь" и "Православие" для русского сознания воспринимались почти как синонимы — и в то же время, за этим национальным стержнем, выражением духовного существа и своеобразия Руси, признавался и утверждался греческий, инонациональный характер...»¹, который выражался прежде всего в «духовном воздействии»². Россия становится духовной наследницей Византии. Протопресвитер И. Мейендорф отмечает, что просто невозможно исследовать и описать всех многообразных сторон влияния, оказанного на Россию Византией путем принятия первой христианской веры³.

Просвещение России стало заключительным и, наверное, самым значительным этапом просвещения всего славянского

мира. У истоков просвещения славянских народов стоят великие равноапостольные Кирилл и Мефодий. Святые братья «изобрели письмо, алфавит; приобщили славян к духовной культуре Православия, сделав для них переводы Священного Писания, некоторых святоотеческих и богослужебных книг; явили в своей собственной жизни пример святости, несения подлинных подвигов, борьбы за истину, стояния в правде и свободе»⁴. Именно приобщение к духовной культуре играет здесь первостепенную роль. Следует отметить, что «славянские переводы святых братьев никогда не воспринимались как нечто новое или как отход от существующей традиции; Священное Писание не просто было изложено по-славянски — подчеркнутая неразрывная связь этого перевода с греческой традицией сохраняется до сих пор в наших богослужебных текстах»⁵. Духовное влияние будет сказываться во всем развитии и становлении Руси как христианского государства (возникнет даже идея Третьего Рима, в которой также можно увидеть следы универсальности византийских идей).

Характер церковной литературы Древней Руси

Благодаря духовному влиянию восточного христианства Киевская Русь сохраняет понимание богословия как приобщения истинам веры, а не логически-дискурсивной спекулятивной дисциплины (как это произошло на Западе, под влиянием аристотелевской логики)⁶. Поэтому в России сердцевину церковной жизни составляет не «богословское исследование», а «духовно-аскетическая практика (молитва, пост, литургия, иконопись)»⁷. Поэтому принято говорить о богословии Древней Руси как о богословии в «звуках и красках».

Среди всего богатства древнерусской литературы (которую можно охарактеризовать как церковную по своему существу⁸) мы не встретим оригинальных сложных богословских сочинений. Протопресвитер И. Мейендорф указывает

на два противоположных мнения по этому поводу — протоиерея Г. Флоровского и Г.П. Федотова: «оба автора (то есть Флоровский и Федотов — В. К.) указывают на контраст между Византией и Русью, но подходят к вопросу совершенно противоположным образом. Флоровский пишет о богословии и богословах <...> но лишь немногие из русских религиозных писателей <...> достигают интеллектуального уровня патристики, принятого им (Флоровским — В. К.) за образец»⁹. Мейендорф делает вывод, что «фактически книга Флоровского написана, чтобы показать, что в России до XIX века вообще не было богословов и что средневековая русская религиозная литература в лучшем случае была бледным подражанием византийским образцам»¹⁰. Причем Флоровский не рассматривает других выражений религиозного опыта — искусства и богослужения. Характеризуя позицию Федотова, отец И. Мейендорф отмечает, что «Федотов мало говорит о доктринах и догматах, он считает, что византийское христианство забыло о человеческой природе Христа, эллинизировалось (Евангелие стало книгой мистерий, источником богословских спекуляций); более правильное, "христианское" восприятие Христа — в Его страданиях, в умалении до человеческого образа — он видит в "русском" Православии»¹¹.

Нельзя полностью согласиться ни с той, ни с другой точкой зрения. Бесспорно, что древнерусская церковная литература уступала византийской и по качеству, и по количеству (протоиерей Г. Флоровский в «Путиях русского богословия» практически ничего не говорит о древнерусской литературе), с другой стороны, почитание в Древней Руси святых князей Бориса и Глеба делает их символом христианского смирения и непротивления злу (по выражению Федотова, «христианской человечности»). Но это лишь часть того, что присутствует в древнерусской письменности.

Церковная литература Древней Руси выполняет миссию носительницы церковного Предания. Постоянное

«воспроизведение» древнерусской литературы — переписывание и перечитывание ее памятников — представляет собой неотъемлемую составную часть церковной жизни, богослужения и аскетической традиции¹². Именно письменность являлась мостом между Византией и Русью, а в целом между римским и славянским миром, по которому и произошла передача христианской традиции.

Поэтому изучение древнерусской церковной литературы должно вестись с «богословской точки зрения», то есть литературные произведения должны рассматриваться как выражение духовного опыта. Именно «богословский подход» позволяет выявить своеобразие древнерусской церковной литературы как по отношению к родственной ей византийской литературе, так и к западной традиции.

Уже в XI–XIII веках в церковной литературе Древней Руси представлены такие жанры и направления, как гомилетика или учительная литература («Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона; слова и поучения Кирилла Туровского), агиография («Сказание о Борисе и Глебе», «Житие Феодосия Печерского»), аскетика (Киево-Печерский патерик), догматическо-полемическая литература, церковное право, гимнография.

Если обратиться собственно к памятникам древнерусской письменности, то можно увидеть именно стремление к стяжанию святости, стремление приобщиться 1000-летнему духовному опыту восточного христианства, органичной частью которого становится теперь и Русская Церковь.

Многим знакомы слова из жития преподобного Феодосия Печерского († 1074), повествующие о любви его самого и монастырской братии к книгам (например, «великууму Никону сѣдящю и дѣлающю книги, и блаженууму (то есть Феодосию — В. К.) въскраи того сѣдящю и прядущю нити еже на потребу таковууму дѣлу»; или о иеромонахе Дамиане, о котором «мнози сѣвѣдѣтельствоють о добрѣмь его сѣмѣренни и

о житии и послушании и <...> и несъпание по вся нощи, и почитающа съ прилежаниемъ святыя книги»¹³). Здесь акцентируется именно «прилежание к святым книгам», то есть приобщение к величайшему духовному наследию христианства.

Преподобный Феодосий и сам успешно черпает из этого наследия. Его поучения к братии о монашеских добродетелях во многом напоминают аналогичные произведения преподобного Феодора Студита, который был образцом для Феодосия. «Якоже ны богоносивый Феодоръ учит...»¹⁴ — преподобный Феодосий ссылается на поучения одного из самых значимых святых отцов Православной Церкви. Преподобные Антоний и Феодосий Печерские как бы объединяют в своем монастыре опыт Афона и Студийского монастыря, насаждая в России древнейшие традиции и опыт восточного монашества.

Но самым ярким примером действительно богословского характера является «Слово о Законе и Благодати» митрополита Киевского Илариона (1051–1055). Если рассматривать этот памятник в узком смысле, то можно отнести его к жанру гомилетических произведений. Как отмечают исследователи, «древнерусская гомилетика во многом ориентировалась на византийские образцы, содержание которых модифицировалось и обогащалось»¹⁵. И именно гомилетика представлена «наивысшем достижением всей древнерусской литературы»¹⁶ или «первым Словом русской литературы»¹⁷ — «Словом...» митрополита Киевского Илариона. Значение сочинения митрополита Илариона трудно переоценить. «Слово о Законе и Благодати» содержит множество аллюзий на тексты различных церковных авторов (как греческих, так и латинских). Возможно, именно Иларион упоминается в Киево-Печерском патерике — там, где говорится о «черноризце Ларионе», который был «книгам хитр писати и съй по вся дъни и нощи писаше книги в келии... Феодосия»¹⁸. В русском митрополите Иларионе сочетаются

и административный церковный деятель и ученый муж, он предстает перед нами как иерарх-богослов.

«Слово о Законе и Благодати» оказало широкое влияние на последующих церковных писателей — Климента Смолятича и Кирилла Туровского, а также на житийную литературу.

Следует заметить, что «Слово...» митрополита Илариона нельзя рассматривать как просто проповедь. Автор рассматривает в своем произведении историю мира как историю спасения человеческого рода — от Закона Моисеева, до свободы по благодати, данной людям через Христа. К этой свободе наконец приобщается и русский народ. Князь Владимир становится равноапостольным, уподобляясь в этом императору Константину Великому.

Митрополит Иларион переосмысливает многие места из Священного Писания и цитирует их так, как будто бы все они пророчески указывают на будущее просвещение светом христианской веры Русской земли. Но кроме этого, Киевский митрополит раскрывает для своих слушателей и читателей универсальный характер христианства: Закон дан для иудеев, а свет христианской веры просвещает все народы.

«Законъ бо прѣжде бѣ и възнесся въ малѣ, и отииде. Вѣра же христьянская, послѣжде явльшися, больши первыя бысть и расплодися на множество языкъ. И Христова благодѣть всю землю обятъ и ако вода морьскаа покры ю» <Закон ведь и прежде был и несколько возвысился, но миновал. А вера христианская, явившаяся и последней, стала большей первого и распростерлась во множестве народов>¹⁹.

«Слово...» митрополита Илариона не только пример проповедничества. В нем мы видим примеры экзегетики (хотя собственно экзегетические сочинения в Древней Руси отсутствовали), нравственных наставлений, полемики с иудейством и даже примеры четких христологических формулировок: «Един сын от Троицѣ въ двѣ естествоѣ:

Божество и человечество, исполнь человекъ по въчеловчечению, а не привидчнемь, нь исполнь Богъ по божеству, а не простъ человекъ показавый на земли божьскаа и человекьскаа...» <Один из <Святой> Троицы, он — в двух естествах: Божестве и человечестве, совершенный, а не призрачный человек — по вчеловчечению, но и совершенный Бог — по Божеству. Явивший на земле свойственное Божеству и свойственное человечеству>²⁰.

Таким образом, можно говорить о богословском характере древнерусской церковной литературы в целом. Литературы, возникшей под влиянием традиции восточного христианства и ставшей частью этой традиции. И несмотря на то, что древнерусская литература не достигла «высот» византийского богословия, она несла в себе тот же самый дух, то же самое слово о спасении человека во Христе. Русь осталась в русле церковной традиции. Основа же всего этого была заложена святыми братьями — просветителями славян Кириллом и Мефодием.

Примечания и библиографические ссылки

¹ Хоружий С.С. О старом и новом. СПб.: Алетейя, 2000. С. 207.

² Там же.

³ Мейендорф И. Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке / История Церкви и восточно-христианская мистика. / Сост. и общ. ред. И.В. Мамалядзе. М.: Институт ДИ-ДИК, ПСТБИ, 2003. С. 352.

⁴ Дионисий (Шленов). Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий у истоков духовного просвещения Руси / <http://www.bogoslov.ru/text/302174.html>, обращение к ресурсу 5. 02. 2009.

⁵ Шичалин Ю.А. Перевод и интерпретация: историко-культурный аспект // ЖМП, № 11, 2008. С. 86.

⁶ Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.) / Пер. А.В. Назаренко; Под. ред. К.К. Акентьева. СПб., 1996. С. 433.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. XIV.

⁹ Мейендорф И. Указ. соч. С. 352.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Подскальски Г. Указ. соч. С. xiii.

¹³ Житие Феодосия Печерского / Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI–XII века. <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4872>, обращение к ресурсу 20. 03. 2009.

¹⁴ В четверг третьей недели поста святого Феодосия слово о терпении и о любви и о посте / Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI–XII века. <http://www.lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4873>, обращение к ресурсу 20. 03. 2009.

¹⁵ Подскальски Г. Указ. соч. С. 148.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. XI — пер. пол. XIV в. Л., 1987. С. 201.

¹⁸ Цит. по: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. С. 199.

¹⁹ Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона / Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI–XII века. <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4868>, обращение к ресурсу 20. 03. 2009.

²⁰ Там же.